

Юрий Арабов обладает уникальным сочетанием мощного интеллекта, тонкой художественной интуиции, грустной иронии и страсти. По правде говоря, использовать его талант в кинематографе - все равно что хрустальной вазой забивать гвозди. Как правило, кино не нуждается в таком уровне культуры и литературного мастерства. Его сценарии самодостаточны. Это полноценные произведения, это искусство. И даже не столь важно, снят сценарий на пленку или нет.

Мне повезло встретиться с Арабовым еще во ВГИКе, и я бесконечно благодарен замечательному педагогу Ливии Александровне Звонниковой за то, что она свела нас друг с другом. Однажды я рассказал ей о своем замысле: снять фильм по мотивам «Реки Потудань» Андрея Платонова. Тогда-то она и познакомила меня со студентом сценарного факультета Юрой Арабовым. С тех самых пор я накрепко связан с человеком, с которым мы сделали почти все мои игровые фильмы. Какими бы разными мы ни были.

Я люблю филармонию, он там почти не бывает. Я не люблю голливудское кино, которое ему нравится. Он поклонник «Битлз», а для меня это станция, которую я проехал, не останавливаясь. Тем не менее, мы работаем вместе уже более четверти века.

Первая же наша картина, по Платонову, вызвала такой град неприятностей, такой гнев высокого начальства, что я осознал: мы попали куда-то в точку. История была чрезвычайно опасна для нас обоих. Меня отчисляли из института — а это ставило крест на дальнейшей судьбе. Он не оставлял меня, не пытался уйти в тень. Он шел со мною через все мучительные этапы, прекрасно понимая, чем ему может это грозить. Верность, порядочность, честность, надежность — уже тогда я понял, что все эти качества Юре присущи в высшей степени. И позже, когда на «Ленфильме» меня не хотели пускать с игровой картиной — Юра писал сценарий за сценарием безо всякой надежды, что хоть один из них примут к производству. Одного только «Тютчева», впрочем, так и не реализованного, он исполнил в семи (!) вариантах, которые последовательно отклонялись один за другим. То же произошло со «Скорбным бесчувствием», которое было чудом запущено, чудом снято и... положено на полку. Он был рядом со мной в эти годы, не уговаривал меня идти на компромисс, не сетовал, не пытался откреститься от товарища, неугодного сильным мира сего. Сейчас уже трудно понять, насколько высока была цена, которую приходилось платить за дружбу, сотворчество, честное имя.

А впереди ожидало миллион испытаний другого рода.

Когда мы сняли «Дни затмения», я, сделав сборку, понял, что текст надо переписывать. Другой автор мог бы заартачиться, пойти на принцип. Но Юра посмотрел материал — и в кратчайший срок переписал все диалоги.

Да что говорить, нами пройдено, преодолено и прожито столько, что отношения даже уже не нужно поддерживать. Они есть, и никакие обстоятельства не в силах их отменить.

Ему могут не нравиться фильмы, которые я снимаю по его сценариям. Мне могут не подходить какие-то вещи, им написанные. И все же я никогда не откажусь от сотрудничества с Арабовым. Во-первых, у Юры совершенное чувство слова. Во-вторых, его способность концентрироваться на замысле другого человека следует признать уникальной.

Со времен молодости нашей, полной мытарств и бесконечных экзаменов на прочность, многое изменилось. Мы редко видимся, разговариваем все больше о делах, о сценариях, о работе. Такой возраст пришел, такой этап пути, когда говорить,

подтверждать друг другу взаимное понимание просто ни к чему. Оно есть, не нуждается в доказательствах, не подлежит сомнению. Что мы можем сказать друг другу нового — после всего, что пришлось вместе пережить? Отсутствие между нами всякого сена и соломы, житейской белиберды и пустой болтовни — возможно, и необходимо, и чрезвычайно плодотворно. Я благодарен Юре в том числе за аскетизм наших отношений. Все, что мы знаем друг о друге, - на глубине. И глубина такова, что позволяет обходиться без лишних слов и праздных вопросов.

Наша работа уже много лет происходит по необычайно простой схеме. Я звоню и говорю: «Есть возможность сделать картину, которую я давно хотел», - и посылаю ему режиссерскую экспликацию с возможно подробным описанием персонажей, действующих лиц, всего круга исторических проблем. Он спрашивает: «Когда нужно, чтобы это было готово?» Обычно я говорю: «Через месяц». На самом деле, это немыслимо краткий срок. Нужно ознакомиться с материалом, прочитать, осмыслить, придумать, написать... Но через месяц сценарий лежит у меня на столе. Арабов, как никто, умеет работать с историческим документом, умеет освоить его и осмыслить по-своему. Любой материал, мною предложенный, он обживает, как дом — и умеет создавать в нем магнитное поле, наполненное конфликтными смыслами. Возможно, зоркое считывание этих смыслов (или умелое их скрещение с материалом) обеспечено наличием собственной философской позиции — независимой, незаемной, идущей от его поэтического дара. Он в состоянии обобщить, в состоянии выйти из конкретики на некую тронную высоту.

Мы очень быстро перешли на одновариантную работу. Он пишет сценарий, и я никогда не прошу его вносить какие-то поправки. Его текст всего — законченная, совершенная вещь. В этом огромное достоинство Арабова как автора. Но в этом же — огромная трудность для меня как для режиссера. Я не чувствую себя вправе диктовать Арабову какие то ни было поправки. Но сам, уже в режиссерском сценарии и в процессе создания фильма, произвожу те изменения, которые нужны визуальному производству — ведь дистанция между литературой и кинематографом огромна. И ни разу я не слышал, чтобы он высказался решительно против. У него есть еще один дар — дар доверия. Он доверяет мне сценарий и передоверяет полномочия: от автора сценария — автору фильма.

Для меня сотрудничество с ним — это подарок судьбы. А остальное — мелочи и подробности плавания на байдарке по горной реке. Не замерзли. Не перевернулись. Остались живы. И всякий раз доплываем к месту назначения.